

ПАЦИЕНТ, БОЛЕЗНЬ, ВРАЧ – НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

О.Г. Хурцилава, Гр.Г. Хубулава

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова,
Санкт-Петербург, Россия

PERSONAL SPACE: PATIENT, DISEASE, PHYSICIAN

O.G. Khurtsilava, Gr.G. Khubulava

North-West State Medical University named after I.I. Mechnikov, Saint-Petersburg, Russia

© О.Г. Хурцилава, Гр.Г. Хубулава, 2014

Статья представляет собой краткий обзор развития представлений врача и пациента друг о друге. Где проходит территория отчуждения, за которой пациент из живого человека превращается в интересный медицинский случай? Как меняется образ медика от шамана-целителя до человека в белом халате? Что объединяет и различает эти образы?

Ключевые слова: врач, пациент, шаман, целитель, чума, Асклепий, сострадание.

This article represents a brief review of the development of the doctor's and the patient's attitudes towards each other. Where does the estrangement stage start, when a patient turns from an individual into an interesting medical case? What unites and distinguishes these images? How does the image of the doctor change from healer shaman into a specialist wearing the medical uniform? What unites and distinguishes these two images?

Key words: doctor, patient, plague, shaman, healer, Asclepius, compassion.

«...Пациент не может быть человеком. Это два совершенно разных понятия. Делаясь пациентом, человек утрачивает свое «я». Стирается личность, остается животная оболочка, смесь страха и надежды, боли и сна. Человеком там и не пахнет. Человек где-то за пределами пациента дожидается возможного воскрешения. А для духа нет страшнее, чем стать просто телом» [1] – этой фразой из романа Мариам Петросян о буднях приюта для отвергнутых обществом людей «Дом, в котором...» мне хотелось бы обозначить основную тему этой беседы.

И впрямь, как получается, что при встрече троих: человека, болезни и врача, пациент из человеческого существа на словах, а значит, и на уровне духа, может превратиться в «случай»? Сложный, интересный, особенный, штатный, но все-таки «случай».

Древние лекари (как принято теперь говорить «на заре человечества») склонны были наделять каждый недуг некими личностными качествами. Так, у Гиппократов, а позднее у Парацельса и Авиценны, мы встречаем упоминания о том, что в некоторых племенах тяжело страдающий в болезни человек считается одержимым злым духом.

Для врача, чьей первой задачей является исцеление или облегчение мучений больного, в данном ритуале пациент как личность не отвечает за свои слова и действия. Все попытки сопротивления действиям врача – есть происки болезни или злого духа, некоего Другого, причиняющего пациенту страдания. Именно с этим Другим и имеет дело лекарь. Именно против него (а не против пациента) и направлены все жестокие насильственные действия врача, призванные изгнать болезнь из тела.

У инков, ацтеков, племен доколумбовой Америки, аборигенов Аляски и у эвенков миссия врача была возложена на шамана племени, прежде проходившего обряд посвящения землей или огнем. Лишь искусный шаман, сумевший «исцелить себя от смерти» (пройти обряд-испытание, то есть попросту вернуться с того света) мог быть врачом племени [2]. Отныне ему не страшны были никакие смерть и болезнь, поскольку шаман-целитель был со смертью и болезнью на «ты», повелевал ими.

В момент врачебной манипуляции, осуществляемой шаманом, кричит не пациент-человек, а недуг, покидающий его. Так человек, ставший пациентом (patientis – терпящий, претерпеваю-

щий), условно лишается личностного человеческого статуса.

Болезнь, доверяющая его заботе врача, зачастую лишает его подопечного права выбора и самостоятельного решения – то есть свободы как основного качества, присущего личности. Он – пациент – действительно превращается в «случай», предмет исследования врача.

Очень похожий по сути пример демонстрирует Ницше, так иллюстрирующий собственную альтернативу христианской любви к ближнему – любовь к дальнему: «Врач, хирург, человек, перевязывающий рану или заставляющий хромого силой опираться на слабую ногу, порой безжалостен, однако жестокость эта, причиняющая больному столько страданий, – есть свидетельство любви врача к тому новому, исцеленному, дальнему, которого врач мысленно уже наблюдает перед собою», – пишет он. Ницше, к слову сказать, поступает, в значительной степени как врач, утверждая, что «человек болен всю свою жизнь, болен незрелым разумом». Так, вследствие «незрелости разума» каждый человек «претерпевает лишения» (фактически является пациентом). Но врачом этой болезни (по Ницше) может быть лишь сам больной, опирающийся на «презрение к мнению слабых и собственную волю» [3].

Развитие современных технологий позволяет врачу на определенном этапе дистанцироваться от личности пациента, которого «заменяет» кардиограмма, снимок томографа, рентген аппарата, список результатов анализов и т.д. Обратите внимание, что часто, дабы вовсе не утратить личностную связь с пациентом, врач обращается к результатам исследования пациента, как обращался бы к нему самому.

И все же между человеком, страдающим неким недугом, и между ним же, но свободным от недуга, проходит территория отчуждения, где царствует та самая «смесь страха и надежды, боли и сна». Как объяснить это? Да, недуг и боль во многом отгораживают человека от мира с его удовольствиями, буднями, законами или радостями. Вооружимся будничным примером: человеку, в результате болезни лишившемуся ног, снится его прежнее катание на велосипеде. «Тот здоровый», что мог себе прежде позволить подобное действие, отгорожен недавними связанными с болезнью событиями от нынешнего человека. Личность сама как бы распадается на «до» и «после». Маркером этой незримой границы между «Я» и «Другой» в данном случае является

способность, допустим, управлять велосипедом. Природа и степень ограничения свободы здесь не имеет значения. Человек в болезни – другой. Прежде всего, для себя самого «здорового» или того, кем ему вне болезни хочется быть. Болезнь, дискомфорт и боль медленно, но верно становятся доминантой его мыслей, идей, поступков. Кажется, что она замещает собой все, что больному знал, умел, чем интересовался и что любил прежде.

Мы имеем дело не просто с конфликтом желаемого и действительного. В этом конфликте я рискую перейти ту грань отрицания и непринятия себя как живого существа, за которой пациент прощается с человеком. Именно об этом, на мой взгляд, идет речь в формальной предпосылке к нашему разговору.

Видимо, весь ужас непонимания проблемы состоит в том, что по традиции современного врачевания мы пытаемся исцелить не человека, а его болезнь. Против такого подхода выступает Мишель Фуко: «Почему в определенный момент консилиум просвещенных инквизиторов решает, что такие меры, как обертывание, ванны, введение электродов в мозг и коктейля из препаратов в кровь – действия, заглушающее симптомы болезни, но на деле только глубже загоняющие ее в сознание больного, способны облегчить его участь?», – пишет философ в книге «Рождение клиники».

Дуализм природы болезни и природы человеческой, их трудноразрешимое противоречие понимается только как идея борьбы с болезнью, но не как идея непростой совместной борьбы врача и больного за возвращение больному самоуважения и утраченного чувства собственного достоинства.

«Какими бы ни были изыски современной медицины, ее технические возможности, человек всегда будет ждать и верить врачу, который сумеет выслушать, одобрить, проявить сострадание» [4], – не устал напоминать медикам ещё А. Экзюпери. А в современном медицинском учебнике мы встречаем слова сожаления его автора о том, что «неуклонно увеличивается отчуждение врача от больного; сокращаются психологический контакт между пациентом и медицинским работником; размышления врача у постели больного; теряется индивидуальный подход к лечению конкретного человека» [5].

Помощь пациенту – процесс обоюдный и часто болезненный, не просто связанный с преодолением взаимных предрассудков, но и с «освобождением» самого врача, терзаемого

страданиями больного. И, главное, как ни странно, исцеление или облегчение этих страданий не гарантируют врачу благодарность пациента, предвзято оценивающего его работу или скованного страхом и недоверием. Врач по-прежнему фигура, окутанная тайной, почти мифологическая. Люди полагали, а многие и полагают, что некто «подчинивший себе смерть и болезнь» способен не только исцелить, но и насладиться недугом на неудобного ему человека.

Ещё одним доказательством восприятия врача как потустороннего существа служит кентавр Хирон – искусный охотник, ботаник и врач. Один из эпитетов, применявшихся к личности Бога Аполлона, (среди прочих талантов которого было и врачевание), звучит как ἀπελάω (апелае) «отвращающий», «изгоняющий» болезни и горести. Но этот же Бог-целитель и лучезарный покровитель муз своей волей насылет чуму на войско ахейцев в Илиаде Гомера.

Летели невидимы с неба
Ужасные стрелы в Ахейское войско
И темные язвы чумные
Ахейцев тела поражали,
Те стрелы метал Аполлон,
И шествовал, ночи подобный.

(Ил. I, 43–53)

Философ, филолог и историк культуры профессор Алексей Фёдорович Лосев и вовсе говорит, что «Аполлон и Артемида являются у Гомера, прежде всего, богами смерти и вероломного убийства» [6]. И хотя ключевое слово здесь «у Гомера», согласно гомеровской интерпретации, это не отменяет того факта, что в сознании греков врач – господин над болезнью, своей волей «отвращающий» или насылающий ее.

Говоря о двойственности природы врача и пациента как личностей, мы не можем оставить в стороне и христианское отношение к болезни и исцелению. Несколько остановившись на христианстве, надо упомянуть, что данное понимание природы болезни и личности пациента зачастую едино для всех трех авраамических религий: иудаизма, христианства и ислама. Болезнь, как и всякое страдание или нужда, является здесь следствием первородного греха – избрания человеком собственной воли взамен воли Божьей. Творец так же посылает человеку болезни (попуская – то есть, Божественной Волей допуская их) как испытания терпению, кротости, любви и вере. Исцеляющий больных, изгоняющий бесов и воскрешающий из мертвых Христос лечит, собственно говоря, не болезнь,

а «исправляет» саму поврежденную грехом природу человека. Одно из доказательств тому – исцеление немого, который «стал и глаголиши право», то есть тут же заговорил верно, поскольку сама первопричина его (и любой) болезни была одолена Христом. «Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питие, насыщающие на века. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь соединяется со Мной в едином теле и поэтому пребывает во Мне и Я в нем» (Ин. 6,53-56) – говорит о себе Тот, кто сам есть лекарство от смерти.

Очевидно, мысля по образу и подобию языческих племен, фарисеи подозревают Христа-целителя в той же связи с болезнью, какой обладал отвращавший и насылавший чуму Аполлон: «А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского» (Мф 12:24). Однако и жертва, и воскресение Христа, как и то, что апостолы именем Христовым исцелили множество больных, совершенно меняет вектор мистического по отношению к врачу в христианском мире. Теперь врач имеет силу над болезнью и смертью не по причине своего с ними «родства», но чудом жертвы и воскресения живого Бога. «Ранами его Вы исцелились» (1Пет.2;24) свидетельствует об этом Апостол Петр. Так, если девиз Гиппократова звучал «Не навреди», его заменили слова Апостола Луки: «Врач, исцелись прежде сам».

Двухтысячелетняя история христианства знает немало врачей, прославленных в лике святых. Все они подарили врачу новое качество – «благое иго» Апостола Христова, единого с Богом в его борьбе за человека, в схватке с болезнями и смертью. Христианство своим учением преобразило медицину из частного жречества определенным богам в служение не только человеку, но и Живому Богу, а значит, делу исцеления не только человеческой плоти, но и человеческой души, над которой теперь не властен слепой фатум. Исцеление, дарованное Богом, понимается христианами как дар «восстановления истинной людской природы», как аванс от небес на будущую жизнь. Но главное – это дар от Личности другой личности. Врач и пациент оказываются личностями, равными перед Богом и, как ни странно, болезнью. Они оба являются «равными в недуге рабами Божьими, однако давшими ему общий бой, возможный только их совместными стараниями, в которых муки больного тяжелы и его врачу, подобно тому, как тяжелы нашему Спасителю просящие Его об искуплении страдания каждого из нас» [7]. (Архиепископ Крымский и Симферопольский

Святитель Лука – хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий).

При этом немало сторонников есть и у теории, утверждающей, что отождествление врача и болезней живо и в христианском сознании. В доказательство своей правоты эти исследователи приводят в пример средневековые процессы над колдунами и ведьмами, которых часто считали виновниками хвори, побежденной ими при помощи трав и отваров. Как тут не вспомнить и врача английского двора эпохи Елизаветы I – Лопеса (Ицхака Каца) – португальского еврея, казненного за свои успехи в лечении инфекционных заболеваний!

При слове «Средневековье» перед нами так же живо встают врачи в вороньих масках, устрашающий вид которых как намек на то, что здесь уже побывали «птицы погибели», должен был отпугнуть их «покровительницу» – чуму. Врач и здесь пытается обмануть смерть, «облачаясь в ее одежды». Маску *Medico della Peste* (Доктора Чумы или чумного доктора) не носили повседневно, но во время эпидемии ее надевали доктора, посещая пациентов.

Врачи того времени не могли сразу распознать заболевание. Предполагалось, что передача болезни происходит во время физического контакта, через одежду и постельное белье. На основании этих представлений и возник самый inferнальный костюм Средневековья – костюм чумного доктора. Считалось, что маска с клювом, придающая доктору вид древнеегипетского божества (бога Тот), отпугивает болезнь. Но у клюва была и функциональная нагрузка: он защищал врача от «болезнетворного запаха». Поверх одежды врач носил темный длинный плащ из льняной или воощенной материи, а в руке держал специальную пал-

ку, чтобы не прикасаться к зачумленному руками. Это весьма напоминает прежнее отождествление врача и болезни, не так ли?

Остается помнить, что «Пациент – не усреднённая единица, а живой организм, личность со своими индивидуальными особенностями» [8].

Какой бы нам ни виделась эта странная троица: пациент, болезнь, врач, в какие бы одежды она ни облачалась (в шкуру шаманского наряда, убогие одежды святого, языческий идол, маску чумного доктора или современный белый халат), всегда следует помнить, что, обращаясь к врачу, мы вступаем в долгое сражение за самих себя. Победа в нем во многом зависит от каждого из нас, от нашего умения слушать, доверять, от желания излечиться и способности быть благодарными даже за стремление оказать нам помощь.

Литература

1. *Петросян, М.* Дом, в котором... / М. Петросян. – М.: Гаятри/Livebook, 2009.
2. *Шмеман, А., прот.* Собрание статей. 1947–1983 / Прот. А. Шмеман. – М.: Русский путь, 2009.
3. *Ницше, Ф.* Сочинения в 2-х томах / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2.
4. *Сент-Экзюпери А. де* Сочинения / А. де Сент-Экзюпери - М.: Книжная палата, 2000.
5. *Шабалов Н.П.* Педиатрия / Н.П. Шабалов. – СПб.: СпецЛит, 2010.
6. *Лосев А.Ф.* Гомер / А.Ф. Лосев – М.: Учпедгиз, 1960.
7. *Войно-Ясенецкий В.Ф.* Душа и тело / В.Ф. Войно-Ясенецкий – М. 1990.
8. *Зильбер А.П.* Этюды критической медицины / А.П. Зильбер. – М.: МЕДпресс-информ, 2006.

М.А. Волох

Тел.: 8(812)275-41-06, моб.: 8(921)903-73-55;

e-mail: marivolokh@mail.ru